

Островский Александр Николаевич

На бойком месте

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич О.**
На бойком месте / Островский Александр Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 88 с.

ISBN 978-5-521-26754-5

ISBN 978-5-521-26754-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Дѣйствіе первое.

Комната на постояломъ дворѣ; направо, въ углу, печь съ лежанкой; посрединѣ, подлѣ печи, дверь въ черную избу, лѣвѣ часы съ расписаннымъ циферблатомъ, еще лѣвѣ, въ углу, комодъ, и на немъ шкафчикъ со стеклянными дверцами, для посуды; съ правой стороны, у печки, дверь въ сѣни; ближе къ зрителямъ кровать съ ситцевымъ пологомъ; на лѣвой сторонѣ два окна, на окнахъ цвѣты: герани и жасмины; въ простѣнкѣ зеркало, по бокамъ лубочные портреты; подъ зеркаломъ старый диванъ краснаго дерева, обитый кожей; передъ диваномъ круглый столъ.

Явленіе первое.

Безсудный и Раззоренный.

Безсудный.

Отпрегь?

Раззоренный.

Отпрегъ ..

Безсудный.

Стало-быть, выпить пришелъ, что-ли?

Раззоренный.

Стаканчикъ надо-бы поднести.

Безсудный.

Отчего не поднести! (Наливаетъ стаканъ и подаетъ.)
Пей на здоровье! (Ямщикъ пьетъ.) Дорога, что-ль, тряска, Петра-то Мартыныча какъ раскачало!

Раззоренный.

Какая тутъ дорога, извѣстно — круговые. Въ Покровскомъ рублевъ на сто поболь начудили.

Безсудный.

Чтò-жь они тамъ?

Раззоренный.

Извѣстно ихъ занятіе: пить да чтобъ бабы подлѣ, значитъ, для балагурства, и сейчасъ бумажками одѣлять.

Безсудный.

Значитъ, они съ прохладой, домой-то не больно торопятся.

Раззоренный

А ктò-жь ихъ... Я въ Покровскомъ на сдачу взялъ до Новой деревни... Перегонъ-то восемьдесятъ верстъ, а гдѣ половина-то? Чай, самъ знаешь, семь верстъ за вами; а я все къ тебѣ, Вуколь Ермолаичъ. Купцы спрашиваютъ, гдѣ кормить будемъ? Извѣстно, говорю, гдѣ: на „Бойкомъ мѣстѣ“ у Вуколь Ермолаича.

Безсудный.

Да спасибо, спасибо, что не забываешь.

Раззоренный.

Да чтò спасибо. Мы тоже ласку помнимъ... Ты-бы меня хоть двугривенничкомъ осеребриль.

Безсудный.

А изъ какихъ доходовъ? Еще твои купцы-то у меня ничего не прожили. Вотъ погоди, по доходу глядя, и тебя не забудемъ.

Раззоренный.

Такъ я кормить пойду.

Безсудный.

А ты не торопись, пушай у меня погостять подольше, не все-жь однимъ Покровскимъ отъ нихъ пользоваться.

Раззоренный.

Ну, да ладно! Копаться-то мы и безъ просьбы мастера, торопиться вотъ, такъ это мы не умѣемъ. (Уходитъ).

Безсудный (у двери).

Мироновна! А Мироновна! Поди сюда. Сестрица! Анна! Аннушка! Идите сюда, говорю вамъ! Чтѣ васъ не дозовешься? (Евгенія и Аннушка входятъ.)

Явленіе второе.

Безсудный, Евгенія и Аннушка.

Безсудный.

Гдѣ вы тамъ забились? Когда васъ надо, васъ тутъ и нѣтъ. Дуры, право, дуры!

Евгенія.

Какой ты, Ермолаичъ! Да развѣ я не хозяйка! Туда сунься, за тѣмъ погляди, съ ногъ собьешься. Я же такая заботливая, за всякой малостью сама ...

Безсудный.

Хозяйка ты! Какое твое хозяйство-то? Грошовое. Тряпки въ чуланѣ перебирать. А тутъ сотни летъ. Развѣайте ротъ-то! На овсѣ-то не много на-торгуешь. Петръ Мартынычъ пріѣхалъ, слышишь ты!

Евгенія.

Охъ, Ермолаичъ, право, ужъ мнѣ повѣсничать-то не больно по сердцу. Кабы я была дѣвушка, ни-

кому неподвластная, — другое дѣло. Я такъ считаю, что ты моя глава. Мнѣ когда и въ шутку кто скажетъ что-нибудь, такъ я за грѣхъ понимаю противъ тебя. Право, ужъ я такая зародилась совѣтливая и для мужа своего покорная, а тутъ поди, балясничай съ ними, съ охальниками.

Безсудный.

Да, нужно очены! Ты сними маску-то! Передъ кѣмъ ты тутъ свою покорность показываешь! Ужъ ты при людяхъ лисой-то прикидывайся, а я тебя и безъ того знаю. Говорятъ тебѣ, Непутевый съ приказчикомъ въ Покровскомъ сто рублей пропили; а что бабамъ роздали, такъ и числа нѣтъ.

Евгенія.

Ой, что ты! Да неужто въ правду? (Поправляется передъ зеркаломъ).

Безсудный (Аннушкѣ).

А ты что губы-то надула? Даромъ, что-ль, васъ кормить-то въ самомъ-дѣлѣ? Какъ у тебя въ глазахъ стыда-то нѣтъ.

Аннушка.

У тебя стыда нѣтъ, а у меня есть.

Безсудный.

Анна!! Ты смотри, не разбуди во мнѣ бѣса! Во мнѣ ихъ сотня сидитъ; какъ начнутъ по моимъ жиламъ ходить, въ тѣ-поры у меня расправа ножевая.

Аннушка.

Такъ ужъ убилъ-бы ты меня скорѣе, коли тебѣ кровь-то человѣческую все равно, что воду лить. (Уходитъ въ среднюю дверь.)

Безсудный.

Эко зелье зародилось! Вся въ меня!

Евгенія.

(Отворяя дверь съ притворнымъ смѣхомъ.)

Хи-хи-хи, хи-хи-хи! Здравствуйте, господа купцы! Петинька, здравствуй. (Уходитъ.)

Безсудный.

Жену-то я взялъ, кажись, не ошибся; а сестра-то мнѣ не ко двору пришла. Ей-бы въ монастырѣ жить, а не на постояломъ дворѣ. (Входитъ Жукъ.) Чтò ты?

Жукъ.

Проѣзжіе позываются! Да, кажись, народъ-то такой что пущать не стоить.

Безсудный.

Такъ и не пущай! На чтò намъ дряни-то! Только мѣсто занимаютъ, а корысти-то отъ нихъ немного. Постой, я пойду самъ погляжу. (Уходятъ. Изъ средней двери выходятъ: Сеня и Евгенія.)

Явленіе третье.

Сеня и Евгенія.

Сеня.

Чтò это у васъ Анна-то Ермолавна спѣсива очень?

Евгенія.

Ужь такая-то фурия, что не накажи, Господи!

Сеня.

По вашему занятію ей словно какъ надобно-бы пообходительнѣе быть, потому что отъ этого хозяину выгода зависеть.

Евгенія.

Какая выгода! Намъ съ мужемъ отъ нее только

неудовольствіе одно. Вотъ, говорятъ, Сеня, что золотки всегда неладно живутъ промежь собой. Какому-же тутъ ладу быть, когда я, съ моимъ ангельскимъ характеромъ, и то не могу ужиться съ ней?

Сеня.

Такъ-съ.

Евгенія.

Къ намъ одинъ баринъ ѣздитъ, хорошій баринъ, и крестьяне у него есть, не такъ чтобы много, а довольно; ну, обыкновенно, ихъ господское дѣло, и приглянись ему эта наша принцесса. Ну, что-жь такое! Дѣло очень и очень обыкновенное; каждый день мы видимъ. А она приняла это за важность! Кто я! Да что я! Да онъ на мнѣ женится, я барыня буду! Какъ-же не такъ, дождайся! Ни брату, ни мнѣ не даетъ слова выговорить. Ужь что я черезъ нея обиды да насмѣшки мученія приняла, такъ, кажется, мнѣ всю жизнь не забыть.

Сеня.

И что-же теперича этотъ баринъ-съ?

Евгенія.

Что? Извѣстно, что! Очень ему нужно. Ну, да ужь и я ей не подарокъ; удружила и я ей; будетъ меня благодарить долго.

Сеня.

Что-же вы такое? Позвольте поинтересоваться!

Евгенія.

Много будешь знать, скоро состарѣешься. (Входятъ: Непутевый и Аннушка).

Явленіе четвертое.

Евгенія, Сеня, Непутевый и Аннушка.

Непутевый.

Стало-быть, мы не хороши? Какихъ-же тебѣ еще, коли ужъ я не хорошъ?

Аннушка.

А неужто ты думаешь, что ты хорошъ? Кто-жь это тебѣ сказалъ? Ты не вѣрь, обманули тебя!

Непутевый.

Ну, однако, ты не очень! Для кого не хорошъ, а для кого, можетъ, я и хорошъ!

Аннушка.

Ну, и ступай туда, гдѣ ты хорошъ.

Непутевый.

Стало-быть, я за свои деньги да уваженія здѣсь не вижу. Чтò-жь такое? Какой это порядокъ? Куда я заѣхалъ? Кто здѣсь смѣетъ важничать, окромѣ меня? Я деньги плачу!

Аннушка.

Да отстань ты отъ меня, не нуждаюсь я твоими деньгами! Сказано тебѣ.

Непутевый.

Семень! Во фронтъ передо мной! Ты чего смотришь? Какъ насъ здѣсь принимаютъ? Али бунтъ сдѣлать? Они еще пыли-то отъ меня не видывали. Семень! Давай посуду бить! Всѣ окны высадимъ!

Евгенія.

Ну, полно, Петя, полно! Ты ужъ не дури! Поди усни, поди, голубчикъ, отдохни! Легко-ли, день-денской ты маешься. А вотъ проспишься, мы ужъ тебѣ все, въ твое уваженіе,

Сеня.

Не хорошо, Петръ Мартынычъ! Пойдемте спать, цѣлыя сутки не спали.

Непутевый.

Я жить хочу, хочу жить!

Евгенія.

А вотъ выпишься, такъ живи въ свое удовольствіе.

Непутевый.

Мнѣ-бы разбить что-нибудь. Ухъ! Кажется, я ..

Сеня.

Не хорошо, Петръ Мартынычъ, оставьте!

Евгенія.

Ты сосни, поди, а проснешься, да придетъ тебѣ желаніе посуду бить, такъ я тебѣ приготовлю; у насъ есть такая.

Непутевый.

Ну, спать, такъ спать (Уходитъ. Сеня затворяетъ за нимъ дверь.)

Сеня.

Вѣдь ишь, какой круговой! Одного его пустить никакъ нельзя. Меня родители-то съ нимъ и посылаютъ нарочно для береженья, чтобъ его беречь въ дорогѣ. (Уходитъ).

Явленіе пятое.

Евгенія и Аннушка.

Евгенія.

Чтѣ-жь, долго это намъ терпѣть отъ тебя?

Аннушка.

Никто тебя терпѣть не заставляетъ.

Евгенія.

Долго ты нашихъ гостей-то обижать будешь?

Аннушка.

Никого я не обижаю. А что всякій пьяница ко мнѣ лѣзетъ, такъ я этого терпѣть не могу. Такъ я вамъ прежде говорила, такъ и теперь говорю.

Евгенія.

Ты терпѣть не можешь, а мнѣ, стало-быть, ничего? Чтò-жь, я хуже тебя? Говори! Хуже я тебя?

Аннушка.

Всякій самъ себѣ хорошъ. Ты вотъ съ ними хочешь, всякія нехорошія слова мелешь да цалуешь-ся, а мнѣ это гадко.

Евгенія.

Стыдно, небось! Погоди больно стыдиться-то, еще не барыня, еще когда будешь, — да полно, будешь-ли? Что-то мнѣ не вѣрится. А теперь пока такая-же мѣщанка, какъ и я.

Аннушка.

Нѣтъ, не такая-же.

Евгенія.

Какая-же? Изъ конфетъ, чтò-ль, ты слѣплена?

Аннушка.

Не изъ конфетъ, а во мнѣ стыдъ есть, а въ тебѣ нѣтъ.

Евгенія.

Кому это нуженъ твой стыдъ здѣсь?

Аннушка.

Мнѣ онъ нуженъ.

Евгенія.

Ахъ! Скажите, пожалуйста! А чтò ты себѣ этимъ выиграла? (Безсудный входитъ.)

Явленіе шестое.

Евгенія, Аннушка и Безсудный.

Безсудный.

Что вы тутъ? Что на васъ ладу нѣтъ? Какъ только бабы видѣтъ, — такъ и перессорились. Эка порода проклятая! Что вамъ дѣлать-то?

Евгенія.

Да вотъ все сестрица твоя барыню изъ себя корчить; отъ хорошихъ людей она носъ воротить, а къ кому сама льнетъ, такъ тѣ на нее смотрѣть не хотятъ.

Аннушка.

Ни къ кому я не льну. Это ты льнешь ко всякому.

Евгенія.

Кого ты, безстыжіе глаза, обмануть хочешь? Всѣ видятъ, какъ ты къ Павлину Ипполитычу виснешь, да жаль, что онъ-то тебя знать не хочетъ.

Аннушка.

Виснуть я къ нему не висну, а что онъ меня знать не хочетъ, я все-жъ таки не виновата.

Безсудный.

Кто-жъ виноватъ?

Аннушка.

Я не знаю. Оставьте вы меня! (Садится къ столу.)

Безсудный.

Кто-жъ знаетъ-то? Баринъ хорошій, добрый, ѣздилъ почитай каждый день, что денегъ проживалъ у меня, — а теперь рѣже да рѣже, да, пожалуй, и совсѣмъ перестанетъ.